

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 219

Г.В. ЗАУРБЕКОВА

**ТЕХНОЛОГИЯ
МАНИПУЛИРОВАНИЯ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМ
КОНФЛИКТОМ В
ЧЕЧЕНСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ
(1991-1999 гг.)**

Москва
2010

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

Г.В. Заурбекова

**ТЕХНОЛОГИЯ МАНИПУЛИРОВАНИЯ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМ КОНФЛИКТОМ
В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (1991–1999 гг.)**

Москва
ИЭА РАН
2010

ББК Т52
ББК Ф5

УДК 39:321.64(470.6)

Серия:
Исследования по прикладной и неотложной этнологии
(издается с 1990 г.)

Редколлегия:
академик РАН В.А. Тишков (отв. ред.),
к.и.н. Н.А. Лопуленко,
д.и.н. М.Ю. Мартынова.

Материалы серии отражают точку зрения авторов
и могут не совпадать с позицией редакционной группы.
При использовании ссылка на материалы обязательна.

З-37 Заурбекова Г.В.

Технология манипулирования этнополитическим конфликтом
в Чеченской республике (1991–1999 гг.) / Исследования по приклад-
ной и неотложной этнологии. — М., ИЭА РАН, 2010. — Вып. 219. —
34 с.

ISBN 978-5-4211-0032-4

В докладе автор освещает вопросы политического манипулирования народ-
ными массами в Чеченской Республике с момента прихода к власти генерала
Джохара Дудаева и до начало вооруженного конфликта. При раскрытии темы,
автор привлек данные этнографического материала, касающиеся менталитета
и морально-этических характеристик чеченского народа, напрямую связанных
с рассматриваемым вопросом. В статье раскрываются вопросы политического
характера, чья мотивировка обусловила силы, заинтересованные в разжигании
конфликта, прибегнуть к крайним формам манипулирования людскими масса-
ми в ЧР..

© ИЭА РАН – 2010 г.
© Г.В. Заурбекова – 2010 г.

Технология манипулирования этнополитическим конфликтом в Чеченской Республике (1991–1999 гг.)

Resume

TECHNOLOGY OF THE MANIPULATION OF THE ETHNOPOLITICAL CONFLICT IN THE CHECHEN REPUBLIC

In the report the author considers questions of a political manipulation by the population of the Chechen Republic during coming to power of general Dzhohara Dudaev prior to the beginning of a confrontation. The author uses the ethnographic material, concerning mentality and the morally-ethical characteristics of Chechen people directly connected with a case in point. The author investigates the political resource interested in kindling of the conflict by means of extreme forms of a manipulation by the population of the Chechen Republic.

Политическое манипулирование – это скрытое управление политическим сознанием и поведением людей с целью принудить их действовать или бездействовать в интересах манипуляторов, навязывание воли манипулятора манипулируемому в форме скрытого воздействия.

Опыт изучения кризиса в Чеченской Республике интересен тем, что он показывает, как можно использовать людей для целей, о которых им ничего не известно.

Говоря о технологии манипулирования постперестроечными событиями в Чечено-Ингушской, тогда еще единой республике, приведшей, в конечном счете, к тяжелой войне, массовой гибели гражданского населения, разрушению экономики и культуры, историки нередко обращаются к памятного политическому императиву тогдашнего главы государства М.С. Горбачева: «Разрешено все, что не запрещено законом»¹. Это была манипуляторская формула, лозунг; ее реализация на практике привела, в итоге, к обвалу и разграблению всей страны, в том числе и к возникновению целой сети очагов межнациональных кризисов и войн почти на всем постсоветском пространстве.

Вооруженные конфликты в Чеченской республике стали одним из звеньев беспрецедентного разрушительного процесса, начавшегося с перестройки.

Естественно, здравомыслящие люди задумываются над вопросом, хотя и не всегда произносят его вслух: была ли в этом тяжелом кризисе вина чеченского или других народов, вовлеченных в конфликты? Конечно, эти вопросы в большей мере психоло-

гического и нравственного плана, чем юридического и научного. Потому что виновных народов в истории не бывает, как не бывает в цивилизованном обществе ответственности по принципу круговой поруки. Тем не менее вопросами подобного плана люди задаются снова и снова, особенно на крутых поворотах истории, как это было, например, при подведении первоначальных итогов Второй мировой войны в период Нюрнбергского процесса (1946). Тогда некоторые из победителей задавались вопросами: почему немцы допустили к власти фашистов, Гитлера; почему на выборах в рейхстаг большинство избирателей проголосовало за национал-социалистов?

Развал СССР, война в Чеченской Республике, вооруженные этнополитические конфликты в других регионах поставили перед исследователями еще одну парадоксальную проблему: можно ли считать естественными, неизбежными развал СССР, волну межнациональных конфликтов, прокатившуюся по стране, естественноисторическими, закономерными процессами? Или эти разрушительные процессы были изначально запланированными акциями заинтересованных сил?

Если считать, что верно первое предположение, то возникает ряд других, непростых вопросов: как получилось, что еще в 1989 г., при проведении референдума о сохранении СССР, почти все население страны в целом – чеченцы и ингуши в том числе – проголосовало за сохранение СССР, а уже всего через два года он был разрушен?

И позже, в 1991 г., по данным предварительного опроса населения, проведенного накануне планировавшегося городским советом Грозного референдума по вопросу – остаться чеченцам в России или объявить о выходе – большинство опрошенных респондентов высказалось за сохранение республики в составе России. А уже через несколько недель после референдума, лидеры сепаратистов объявили о выходе республики из России и о создании независимого государства.

Отсюда следует, что сепаратисты генерала Дж. Дудаева, противозаконно захватившие власть в республике, вопреки воле народа, навязали ему и выход из России. Естественно, что после этого большинство населения отказалось принять участие в избрании Дж. Дудаева президентом, тем более, что насильственно свергнув советскую власть в республике, он стал государственным преступником². Тем не менее выборы были сфальсифицированы, Дж. Дудаева «избрали»³.

Народ, голосовавший за сохранение единства страны, и сепаратисты, разрывавшие ее, действуя при бесспорном попустительстве тогдашнего политического руководства России, оказались на противоположных политических полюсах. Каким образом сепаратистам удалось расколоть общество, какие способы, какая манипуляторская технология применялась при этом? В настоящей статье предпринята попытка ответа на этот и ряд других смежных вопросов.

Технология управления конфликтом включает значительное количество организационных, военных, информационных, финансовых манипуляций, направленных на достижение политических целей. Технология включает тактические приемы получения как конкретного локального результата, так и достижение глубинной, долговременной цели. Другими словами, технология манипулирования, управление политическими процессами представляют собой не просто разрозненные технические приемы действий, а целостную совокупность методов и процедур, которые обладают определенной очередностью своего применения и использования⁴.

Автор весьма содержательной статьи О.Г. Леонова отличает понятие политической технологии «от технологии управления политическими процессами»⁵. К этой категории, по нашему мнению, относится и понятие управления межэтническими конфликтами для достижения антинародных политических целей.

Манипулирование в собственном смысле слова – это одно из двух слагаемых более многоаспектного процесса сепаратистского управления конфликтом вообще. Это, собственно, обратная сторона процесса, управления, но только преследуются в этом случае деструктивные цели по углублению этнополитических распрей, по превращению начавшегося конфликта в постоянно действующий фактор межнациональных распрей, чреватых нередко войной. При этом сама эта деструктивная работа маскируется псевдо-миротворческой демагогией борьбы за свободу, демократию и независимость народов.

Управление конфликтом в настоящем, миротворческом смысле слова, имеет целью профилактику, а в случае уже начавшегося конфликта – скорейшее его прекращение, оказание реальной помощи в разрешении проблем, породивших его.

Напротив, деструктивный, манипуляторский подход подразумевает целенаправленное использование кризиса для достижения корыстных политических целей, выходящих уже за пределы конфликта. В отличие от конструктивных, разрушительные усилия, точнее – манипуляторские усилия, имеют целью не примирение противоборствующих сторон, но использование конфликта в своекорыстных политических целях манипуляторов. В этом случае усилия посредников-«миротворцев» направляются не на разрешение кризиса, а на углубление противоборства сторон любыми способами, на перевод конфликта в хроническую стадию, удержание его в тлеющем состоянии, т.е. перевод в перманентный режим⁶ и использование, по мере надобности, для стравливания народов с целью решения более крупных политических задач.

В конфликте в Чеченской Республике сепаратисты, а равно и их представители на переговорах, стремились под видом миротворческой деятельности усугубить разразившийся кризис. В этом плане интересы «перестройщиков» и сепаратистов совпада-

ли полностью: деструктивные акции «перестройщиков» и дезинтегрирующие действия сепаратистов, направленные на подрыв взаимного доверия народов, имели общую цель – политический и экономический развал страны, хотя обе стороны – и «перестройщики», и сепаратисты внешне имитировали непримиримую вражду⁷.

Здесь правомерно возникает аналогия с программным лозунгом Л. Троцкого в период заключения Брестского мира – «ни войны, ни мира...»

В таких случаях усилия посредников направляются не на прекращение конфликта, а на его консервацию, на корыстное управление, точнее, манипулирование конфликтом в собственных интересах сепаратистов или тех, кто стоит за ними. Вожди сепаратистов выступают под разными личинами: то, как этнические предприниматели, обогащающиеся продажей оружия, то, как национал-карьеристы, озабоченные захватом прибыльных должностей, т. е., всеми способами домогающиеся власти и богатств, не гнушаясь ни хищениями, ни мародерством.

Американский ученый С. Коэн делает несколько иной акцент на расстановку действующих сил в стране в этот период: «У чеченского конфликта, у социально-экономической реальности России, были две общие характерные черты: разграбление кучкой близких к Кремлю людей народного достояния страны и одновременно обнищание, полное или частичное, большинства их сограждан»⁸. «Российские богатства были разграблены, ее народ доведен до нищеты...»⁹

Разумеется, такая ситуация вызывала глубокое недовольство населения, которое в условиях начинающегося «дикого» передела собственности ориентировалось на законную власть.

С приходом к власти национал-радикалов политическое и гражданское противостояние в чеченском обществе получило новый, более мощный виток напряженности. Большая часть населения отказывалась признавать сфабрикованные выборы президента и парламента ЧР. В Грозном, в противовес митингам сторонников сепаратизма, противостояли не менее многочисленные и организованные митинги их противников¹⁰. В обстановке политического кризиса и его прогрессирующего состояния, когда основная масса жителей республики (в т.ч., 26 % русскоязычного населения) была не согласна с проводимой режимом Дудаева политикой, шансы удержать власть у радикалов сводились почти к нулю. Только силовые манипуляционные действия Центра могли сохранить и возродить пошатнувшийся авторитет генерала Дудаева.

Такое положение, само собой, дает право на заключение о том, что правивший тогда на постсоветском пространстве режим нуждался именно в «короткой победоносной войне» для упрочения своего положения в условиях тотального разграбления и развала страны. Исследователь чеченского конфликта, Дж. Гакаев, досконально изу-

чившие все его стороны, пишет: «...каждый раз, когда режим Дудаева оказывался на грани краха, “помощь” приходила из Москвы в виде провокаций и силовой акции. Так было в ноябре 1991 г., феврале–марте 1992 г., в апреле–июне 1993 г., сентябре–ноябре 1994 г.»¹¹.

Именно благодаря попустительству и поддержке властей сепаратистов и благодаря применению современных политических технологий, правивший тогда режим получил долгий, кровопролитный этнополитический конфликт. При этом организаторы сценария не учли того, что войны такого рода не бывают в России ни короткими, ни победоносными ни для одной из сторон конфликта.

Р.И. Хасбулатов, непосредственный свидетель и участник тех событий, заместитель Б. Ельцина по Верховному Совету РФ, констатировал, хотя и с некоторой оговоркой: «Те из деятелей в Кремле, кто разрабатывал планы... “управляемого военного конфликта” получили этот конфликт, хотя и не совсем управляемый и в тот момент, но ...вполне достаточный для того, чтобы использовать его при принятии важнейших внутриполитических решений...»¹²

Более расширенное толкование манипуляторской основы конфликта предложил другой чеченский автор А. Келиматов: «События в Чечне 90-х годов разворачивались не по сценарию самих чеченцев, а по планам политических сил различных государств, которые пытались извлечь из этого свою выгоду... События в Чечне не случайность – это плановая агрессия внутренних и внешних врагов не только против чеченцев, но и против русских»¹³.

Вмешательство заинтересованных стран извне – не подлежит сомнению¹⁴. Здесь подразумевается, однако, не заговор, но по преимуществу – «политические манипуляции, как в самой стране», так и действия соответствующих сил за рубежом. Но это тема отдельного исследования.

Главную роль в подготовке сценария конфликта в Чеченской Республике играли, конечно, сепаратистские силы внутри самой страны, где уже назревал конфликт, «инициированный борющимися за власть политическими силами – партиями, движениями, правительствами и старыми партийно-номенклатурными элитами. В их руках национальный вопрос использовался в зависимости от ситуации либо как орудие борьбы за власть, либо как инструмент ее удержания и закрепления, либо как средство гегемонистского расширения власти, ее экспансии на сопредельные территории»¹⁵. Российский исследователь Арк. Попов в этой связи верно подметил, что для признания феномена этнического манипулирования решающим фактором межнационального конфликта «вовсе не обязательно ориентировать исследователей на вульгарный поиск тайных злодеев-заговорщиков; речь, по существу, идет о том, чтобы при анали-

зе конфликтов выявлять те политические силы, которые на деле инициируют этноконфликтные ситуации и на практике используют их последствия в своих интересах»¹⁶.

Вообще в 90-е гг. прошлого века, в условиях реальной угрозы возврата к власти коммунистов, в политике «реформаторов» возобладала установка на то, чтобы использовать любые деструктивные, в т.ч. сепаратистские движения в стране для предотвращения возврата прежней власти и окончательного разрушения советского общественного строя.

Можно сослаться в этом плане на попытки заигрывания с сепаратистами тогдашнего председателя правительства РФ, который «дарил именные пистолеты лидерам сепаратистского режима в Чечне, хвалил деятельность религиозных экстремистов, взявших под вооруженный контроль села Чабан-махи, Кара-махи в Дагестане...» Сам министр юстиции РФ высказывался в том смысле, что глубоко деструктивное религиозно-политическое учение ваххабизма, например, – это всего лишь духовные поиски «богоискателей».

Острое социально-политическое напряжение, возмущение нижних и средних слоев населения разграблением страны приватизацией, проводившейся в тот период руководством, вынуждало Центр искать, в целях личной безопасности, каналы выхода накопившейся в обществе негативной энергии, и, как решение – направлять усиливающееся недовольство этнического большинства народа в русло ксенофобии и межнациональной вражды.

Чеченская республика в такой ситуации становилась очередным звеном в цепи т. н. «горячих точек» межэтнического этнополитического напряжения на постсоветском пространстве. Именно в канун прихода к власти в Чечне Дж. Дудаева обострились главные противоречия в обществе – социальные, политические, экологические, культурно-образовательные. Чечня реально превращалась в сцену, на которой отрабатывались различные манипуляторские технологии для объединения усилий внутренних и внешних сил по развалу СССР.

Академик В.А. Тишков также придерживается этой точки зрения: «Чечня стала одной из сцен, на которой вершат спектакль внешние режиссеры»¹⁷. Ту же оценку озвучивали представители научно-культурной и демократической элиты чеченского народа, оказавшейся в гуще событий тех лет, считая кризис в республике спланированным и управляемым¹⁸.

Интересна в этом плане информация, взятая из книги экс-спикера Верховного Совета РФ Р.И. Хасбулатова «Чечня: Мне не дали остановить войну. Записки миротворца»: «В середине апреля в Липецке побывал Полторанин. Там вечером, за чаепитием,

собрал узкий круг доверенных демократических лидеров города и области и, между прочим, сообщил им такую деталь. Планировалось, как он выразился, “законным образом” провести к власти Дудаева»¹⁹.

М. Эдильбиев, непосредственный участник и свидетель тех событий, бывший председатель общества «Гулам», пишет: «Как очевидец и участник происходивших в Чечне событий я не раз писал и говорил с разных трибун, что пальма первенства чеченского суверенитета принадлежит вовсе не Дудаеву, а экс-президенту РФ Борису Ельцину: Ельцин и его близкое окружение преднамеренно спровоцировали чеченские события. Это не голословное утверждение, а мнение человека, находившегося в гуще кровавого ельцинского побоища... Действительно, Бурбулис и Полторанин планировали “законным образом” привести к власти Дудаева. В присутствии автора этих строк – как лидера Общественно-политической ассоциации Чечни – Бурбулис в назидательном тоне изложил Дудаеву план захвата власти под эгидой национально-освободительного движения. “Революция – это бунт. Бунт следует подавлять. Вы должны избрать легитимную форму прихода к власти. Легитимной является национально-освободительное движение”, – учил он Дудаева и всех присутствующих из его окружения. Так, с подачи и под бдительной опекой Кремля началось “национально-освободительное” движение в Чечне и подготовка к будущим кровавым побоищам. С этих пор кремлевская власть в открытую и скрытно оберегала Джохара от возможного свержения»²⁰.

Бывший депутат Государственной думы губернатор Краснодарского края Н.И. Кондратенко на заседании круглого стола, проведенного 31 марта 2005 г. в Госдуме, также констатировал, что Чеченская республика была избрана в качестве испытательного полигона не случайно, а вполне осознанно для того, чтобы отвлечь внимание народов страны от грабежа ее национального достояния. Депутат Кондратенко утверждал, что именно для разрушения страны была нужна эта война и именно для этого здесь надо было разжечь пламя войны.

Технология манипулирования включала использование для разжигания милитаристских настроений традиционного пристрастия, любви горцев к военной службе, к оружию, к воинской форме, чинам и наградам²¹.

Отнюдь не случаен тот факт, что на всем постсоветском пространстве только в Чечне, притом за символическую плату, при передислокации грозненского гарнизона в городе были оставлены большие запасы оружия. Бывший губернатор Краснодарского края на том же заседании «круглого стола» констатировал, что Чечня была избрана на роль экспериментальной площадки вполне продуманно, с учетом ментальности народа и его характера.

Конечно, этнополитические конфликты имеют объективные основания. Это и реальные социально-экономические и политические интересы общества, и наболевшие нерешенные проблемы национального развития. Как правило, конфликты на этой почве, есть продукт и порождение данного общества в фазе национального и социального напряжения. Между тем особенность сепаратизма в ЧР состояла в том, что абсолютное большинство назревших проблем национального развития здесь могло быть решено без кровопролития, если бы на то была конструктивная воля сил, обладающих реальной политической властью.

Однако нерешенным проблемам национально-культурного самоопределения народов, даже тем, которые еще находятся в латентном состоянии, можно, как доказали события в ЧР, сообщить внешний стимулирующий импульс, превратить их в источник смуты и раздуть из этнополитического напряжения настоящий конфликт. Именно к такому углублению кризиса прибегли заинтересованные силы в руководстве страны. Применительно к ситуации в Чеченской республике можно говорить не только о вмешательстве внешних сил, но еще и о деструктивной работе определенных кругов внутри тогдашнего политического руководства страны.

Многие здравомыслящие люди не могли рационально понять и осмыслить, каким образом в руководстве страны оказались силы, способствовавшие войне, содействовавшие политическому и экономическому распаду страны, которой они управляют. Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин и его окружение начали войну в Чеченской Республике, что, одновременно, вылилось в войну против всей страны, потому что ЧР, что бы там ни заявляли лидеры сепаратистов, являлась составной частью России *de jure*. Это, во-первых.

Во-вторых, здравый смысл, народная мудрость, жизненный опыт народов, длительное время проживавших совместно в рамках Российского государства, а потом СССР, подсказывали, что межэтническая война – это братоубийство, результатом которого становится межэтническое противостояние, которое длится десятилетие. И противостояние это не способно разрешить возникшие противоречия. Абсолютное большинство простых людей ЧР поначалу не допускали мысли, что такая война может начаться вопреки здравому смыслу, логике.

Совершенно бессмысленной, относящейся к антиутопии в духе Оруэлла, представлялась мысль, что собственная, народная армия и находящаяся на ее вооружении самая современная авиация в мире, станут бомбить свои же города и села. Что собственная армия будет убивать женщин, детей и стариков своей же страны, за честь и независимость которой еще полвека назад в битве против фашизма отдавали свои жизни отцы и деды нынешних поколений.

Это был ментальный переворот в сознании простых обывателей, в мировоззрении многих людей, еще недавно живших в единой стране под защитой общих и одинаковых для всех прав и законов. Большинству населения, не искушенному в политике, не верилось, особенно в самом начале конфликта, что людей, еще вчера бывших гражданами одного государства, товарищами, можно идеологически дезориентировав, свести в кровавой бойне друг против друга.

Несколько поколений советских людей были воспитаны в сознании единства исторической родины, в духе доверия и уважения к своей многонациональной армии. Деидеологизация, получившая место с началом перестройки, вызвала обвал в духовной и, особенно, в идеологической сфере.

И все-таки, в течение многих месяцев с начала боевых действий, люди не могли поверить в происходящий на их глазах духовный развал привычного, отлаженного и гармоничного мира. Даже после первой чеченской войны (1994–1996 гг.), когда города и села республики были превращены в руины, вследствие широкомасштабных боевых действий с применением авиации и тяжелой артиллерии, немногие могли реально оценить степень случившейся катастрофы.

Не случайно при повторном вводе федеральных войск в Чеченскую Республику осенью 1999 г., т.е. уже после первой войны, большинство населения республики искренне приветствовало федеральные войска. Телевидение демонстрировало реальные сцены, показывавшие как люди, независимо от национальной принадлежности и возраста, особенно женщины, обращались с одним и тем же вопросом к солдатам федеральных войск: «А вы не уйдете больше?» Это был вопрос исстрадавшееся от засилья и безнаказанного разбоя боевиков население, пережившее похищения близких, измученное грабежами, убийствами и издевательствами ваххабитов. Население республики не мыслило себя вне России.

Именно с Россией была неразрывно связана жизнь большинства жителей ЧР: многие работали в центральных районах России, учились в столичных ВУЗах, были связаны с россиянами, жившими вне пределов Чеченской Республики, множеством родственных уз. Более того, связи эти скреплялись и поддерживались сложившимся двуязычием коренного населения Чечни. По данным Института этнологии и антропологии РАН, более 90% чеченцев свободно владели русским языком; через него же воспринимались лучшие достижения современной мировой культуры и науки.

Те, кто планомерно разрушали СССР, одновременно поколебали и во многом подорвали сформировавшуюся общность исторических судеб и единство народов России. После развала СССР в 1991 г., в условиях вульгарной политизированности людей, даже примитивные, откровенно популистские лозунги и призывы, особенно свя-

занные с дискредитацией власти, основанные исключительно на неподтвержденных слухах и догадках, накаляли обстановку, разжигая ненависть к представителям власти, дискредитируя ее в лице общественности и подготавливая почву к последующему перевороту.

Враг извне или прошлые обиды

Со свержением законной власти в Чеченской Республике (тогда еще ЧИ АССР) и приходом к власти сепаратистов начался новый передел источников доходов, захват важнейших из них в свои руки и грабительская их эксплуатация в личных интересах. Все это привело к тому, что большинство населения, занятого на производстве, осталось без средств к существованию. Выплаты зарплат работающим оказались под срывом, и их задержки растянулись на месяцы, опережая в своей динамике падения все российские регионы. По сути, народ был посажен на «подножный корм». Безработные, обнищавшие массы быстро превращались в агрессивные уличные толпы, которые даже самими организаторами массовых выступлений с трудом контролировались.

Между тем представители власти, незаконно узурпировавшие ее, получали с предприятий нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности и отраслей, связанных с ней, баснословные прибыли. Часть средств от незаконной деятельности шло на дестабилизацию обстановки в республике – подкуп, шантаж, избиения и убийства работников прежних институтов власти и правопорядка. Доходило до банального расстрела из окон проезжающего авто несогласных с действующим режимом. Активисты сепаратистского движения, используя финансовые ресурсы «теневых» заказчиков и лидеров «независимости», а то и просто громкие, многообещающие лозунги, собирали под свои «знамена» многочисленные митинги и шествия. При этом, как и в остальной России, активно муссировался образ «врага», виновного в сложившейся в республике ситуации. Только в данном случае в качестве «виновного» объявлялась Москва.

Как верно пишет российский исследователь Арк. Попов, сепаратисты делают все для «превращения латентно содержащихся в массовом сознании агрессивных этнофобий и комплексов этнической ущемленности, связанных с переживанием реальных или мнимых исторических унижений и обид,... и могли появиться в качестве побудительных импульсов и мотивов конфронтационного поведения»²². Для этого, по мнению цитируемого автора, они должны быть подвергнуты как минимум трем технологическим операциям: «Во-первых, все прошлые и настоящие, действительные и мнимые обиды (этносов) должны быть эмоционально актуализированы – выведены на

поверхность общественного сознания и поданы в болезненно заостренной форме как свидетельства и символы национального унижения и оскорбления, затрагивающего честь и личное достоинство каждого представителя данного этноса... Во-вторых, спровоцированные таким способом протестные и конфронтационные импульсы должны быть операционально сориентированы – претворены в мобилизующую соплеменников программу привлекательных практических шагов, призванных снять или каким-то образом компенсировать нанесенной нации в прошлом моральный и материальный ущерб. Наконец, в-третьих, намеченные к реализации цели и шаги должны быть морально легитимизированы – заранее санкционированы господствующим в данной этнической среде общественным мнением...»²³

Сепаратисты, манипуляторы, ссылаясь на «обиды прошлого» доказывают невозможность совместного проживания в одном государстве разных этносов. Правда, особенность сепаратизма в Чеченской Республике состояла в том, что его публично исповедовали только два человека: лично генерал Дж. Дудаев и его придворный идеолог М. Удугов.

Как в начале, так и в последующем, взаимопонимания так и не удалось достигнуть. Население было взбудоражено и не слышало увещаний старейшин, призывавших успокоиться, не идти на поводу у сепаратистов. Беспольными оказались призывы Илеса Арсанова, взятого впоследствии сепаратистами под стражу²⁴, и перенесшего от них физические и моральные унижения²⁵. Не услышал народ ни известного на Ближнем Востоке религиозного и общественного деятеля, члена парламента Иордании Абдул Баки Джамо, ни других, передовых и достойных общественно-политических деятелей чеченского народа.

Внутренний враг

Если СМИ сепаратистов сосредоточились на проблемах прошлых обид народов, то центральные органы печати, ТВ, радио активно занялись созданием образа «врага России» в образе «злого чечена». Целю подобных манипуляций при их близком рассмотрении можно считать только одно – возбудить подозрительность и враждебное отношение к чеченскому народу, и таким образом подготовить общественное мнение к возможной военной развязке назревающего конфликта. Печатные издания и ТВ соревновались в стремлении, как можно изоощренней представить чеченцев, приписывая им закоренелое коварство, жестокость дикарей, мракобесие, неприятие культуры, просвещения и гуманизма – этаких, «вандалов», посягающих на «Третий Рим».

Во многих публикациях той поры извращались не только современная, но и прошлая история, культура и традиции чеченского народа, сам строй его и уклад общественной жизни. Вопреки фактам истории, чеченцам приписывали извечную вражду к России; отсюда следовало, что в войне с ними допустимы любые жестокости, вплоть до попирания международных соглашений о правилах ведения военных.

В связи с этим генерал ФСБ А. Михайлов констатировал: «...все от начала до конца в пропаганде Удугова было густо перемешано с ложью, отделить от которой правду было просто невозможно... Чем серьезнее становилась ситуация, тем активнее действовала пропаганда бандитов, и она достигала результата. Многие из оглашенного чеченским Геббельсом выплескивалось на страницы российских газет»²⁶. В свою очередь, центральные СМИ «смаковали» все эти пассажи М. Удугова с завидной изощренностью, усиливая их и без того напряженную смысловую нагрузку.

Деструктивную, манипуляторскую направленность политики Центра отмечал философ С.А. Тепсаев: «Решающую роль в радикализации конфликтных процессов при их начале и придании им окраски межэтнических сыграла политика, или, точнее, действия московских СМИ, элиты и генералитета»²⁷.

Бывший советник Президента РФ Э. Паин, еще в самом начале Первой Чеченской кампании писал о мотивах чеченофобии: «Этнофобия – преставление о том, что в бедах, постигших Россию, повинны в той или иной степени “инородцы”, что нерусские в России пользуются слишком большими правами, злоупотребляют предоставленными им возможностями. Эта ксенофобия особенно остро проявляется в отношении чеченцев... и других этнических групп, образовавших этнически сплоченные и достаточно эффективные структуры предпринимательства в городах России, а потому часто вызывающие чувства зависти и недоброжелательства»²⁸.

При всем кажущемся хаосе информации, тем не менее, внимательный анализ действий СМИ дает право на существование версии о том, что как центральные российские информационные службы, так и радикальные чеченские действовали по одному общему, заранее отлаженному сценарию²⁹.

В анализе технологических аспектов «чеченского» сепаратистского конфликта представляет интерес классификация моделей описания феномена сепаратизма как этнополитического явления, предложенная А.Р. Аклаевым. «В конфликтологической науке используются две взаимодополняющие друг друга модели описания конфликта – структурная и динамическая, – пишет А.Р. Аклаев. – Первая делает ударение на формах и контекстах проявлений конфликта, а также на вычленении структурных характеристик, которые влияют на конфликтное поведение. Вторая – динамическая модель – ставит в центр внимания процесс протекания конфликта и особенности его ди-

намики, т.е. этапы его зарождения, проявления, углубления через последующие стадии и фазы развития, конфликтного взаимодействия, завершение и конечный исход конфликта»³⁰.

Можно было бы сказать, что настоящая статья написана по второй модели, которую А.Р. Аклаев называет динамической, если бы не одно обстоятельство. Сегодня, когда по официальной версии крупномасштабная контртеррористическая операция в Чечне завершена, будет большой натяжкой утверждать, что конфликт в Чеченской Республике погашен и реально гарантирован его конструктивный конечный итог. К сожалению, в истории нередки случаи, когда объявленный законченным конфликт вновь разгорался с новой силой.

Бесспорно, много сделано для окончания конфликта: весьма продуктивно идет восстановление разрушенной войной Чеченской Республики. Нынешнее руководство, во главе с молодым и энергичным президентом Р. А.-Х. Кадыровым, предпринимает действенные меры во всех направлениях для возрождения республики. Но самая большая питательная база дестабилизации – массовая безработица – еще не преодолена³¹. Продолжаются теракты, в горах дело доходит до регулярных вооруженных стычек с сепаратистами³². Причем, возрастная планка участников незаконных вооруженных формирований опускается, что явно говорит о проблеме занятости молодого поколения³³.

В общем исход, конструктивный финал конфликта не вызывает сомнения, но его общее завершение, окончательная оценка будут выглядеть несколько иначе, чем видится сегодня.

История не раз демонстрировала, что именно итог того или иного исторического события заставлял исследователей существенно уточнять, а то и коренным образом менять уже выстроенную концепцию изучаемого события.

К тому же, далеко не все события и факты известны сегодня. Поэтому автор в своих публикациях на эту тему вынужден придерживаться динамической модели описания конфликта в Чеченской Республике, хотя и высказывает отдельные предположения о его финале, без чего невозможна структурная модель описания этой народной драмы.

Этнополитические конфликты в различных регионах имеют, во-первых, свои специфические особенности, присущие преимущественно только данному конфликту. Но вместе с тем, они в различных регионах и странах имеют немало общих черт, схожих, а иногда и повторяющихся признаков.

Изучение этих типичных, повторяющихся черт в различных конфликтах наводит на мысль, что они действительно заимствуют опыт друг друга, а, возможно, и стимулируются из некоего общего Центра.

Здесь невольно напрашивается аналогия из криминологии, где давно используется метод сравнительного анализа криминала. Юристы, криминологи для выяснения состава преступления и обстоятельств, связанных с ним, существенное значение придают поиску аналогов среди других преступлений, совершенных в прошлом, похожих в чем-то на расследуемое: по признакам примененных орудий преступного деяния, по логике или алогичности совершенных действий, т.е. тем признакам, которые принято объединять понятием «почерк преступления» или технология.

Сравнительно-описательный подход уместен, очевидно, для характеристики технологических приемов, используемых в разных межнациональных конфликтах. Если применить такой подход к анализу технологии манипулирования сепаратистским конфликтом в ЧР, то мы обнаруживаем явно, что чеченский конфликт весьма сходен с другими именно по технологическим приемам.

Угроза, как объединяющий фактор противостояния

Наиболее часто повторяющийся способ (зачина конфликта) состоит в следующем. В СМИ публикуется информация, оскорбляющая историческую память народа или принижающая его национальное достоинство, культуру, традиции и обычаи народа. Сама информация может быть заведомо ложной, тем не менее, она «срабатывает», вызывает возмущение населения.

Еще бóльшим зарядом деструктивной энергии обладает угроза; ею можно спровоцировать значительную часть населения на совершение действий, весьма опасных для самого народа, могущих иметь тяжелые последствия для него. Это касается, в первую очередь, горцев, которых еще дореволюционные историки характеризовали как весьма «горячных», приходящих в неистовство от оскорбления или угрозы.

О честолюбии и непокорности чеченцев писал, кстати, и недавно скончавшийся российский писатель А. Солженицын в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ», где, по мнению самих чеченцев, автор дал объективную характеристику их народу. Автор пишет: «Но была одна нация, которая совсем не поддалась психологии покорности – не одиночки, не бунтари, а вся нация целиком. Это – чечены... После того как их один раз предательски сдернули с места, они уже больше ни во что не верили... Никакие чечены нигде не пытались угодить или понравиться начальству – но всегда горды перед ним и даже открыто враждебны...»³⁴

Нет сомнения в том, что те, кто готовил идеологическую и психологическую войну против чеченцев хорошо изучили их характер, ментальность, их традиции, образ мышления. Приведем здесь конкретный пример, подтверждающий сказанное: по эти-

ческим понятиям чеченцев, публично высказанное пренебрежение к ним, а тем более угроза в их адрес, считается не просто тяжким оскорблением чести, оно заставляет горцев действовать нередко вопреки собственным, жизненно-важным интересам.

Чувство достоинства, самоуважения горцы сохраняли в самых тяжелых испытаниях истории, в противном случае, остракизму общества подвергался весь его род.

Именно эффект угрозы народу, оскорбление чести, как психологический и технический прием, был использован в 1994 г. тогдашним министром обороны П. Грачевым в качестве прелюдии для начала военных действий против Чеченской Республики, когда он, выступая по ТВ, в нарочито грубом, пренебрежительном тоне, заявил, что сможет в течение нескольких часов разогнать силами одного полка вооруженный «сброд чеченцев». Тем самым министр задел многих за живое и заставил-таки взяться их за оружие.

Чеченский народ способен одновременно и на невероятное упорство в бою и на уважение к смелому врагу. Но он же бывает дипломатически уклончив, когда надо сказать горькую и нелюбимую правду собеседнику. Эта черта совмещается с самонадеянностью и доверчивостью, основывающимися на скептической оценке любого противника. Но народ весьма отзывчив на доброе слово, гостеприимный, щедрый, всегда неизменно чувствителен на оскорбление чести и достоинства. Генерал-майор А.А. Ляховский, бывший первым заместителем начальника оперативного управления Главного штаба сухопутных войск, так характеризует чеченцев в своей книге: «По складу характера большинство чеченцев идеалисты, зачастую оторванные от реальностей современности, порой наивны и бесхитростны. В то же время они вспыльчивы, неукротимы, мстительны, жестоки и упрямы. Внешне чеченский народ красивый, открытый, проворный в движениях, доброжелательный, веселый, остроумный»³⁵.

Манипуляторам «маленькой победоносной войны» был нужен именно такой народ – смелый, упорный в бою, великодушный, но способный в состоянии аффекта, вызванного оскорблением, быть жестоким, пренебречь религиозным милосердием, действовать вопреки собственным кровным интересам, если задето его достоинство. Именно такой, чтобы легче отвлекать внимание от свершающегося тотального разграбления страны.

Исследуя опыт предыдущих поколений, анализируя ход и итоги прошедших локальных войн, организаторы конфликта сделали ставку на чеченцев, как на народ с наиболее реликтовым (что это такое??) сознанием.

В данном случае речь идет о духе, характере чеченского народа, о некой сложной, трудно уловимой, но реально существующей субстанции, которая определяется легковоспламеняющимся нравом, вспыльчивостью. Общий знаменатель таких разных

противоречивых черт сводится к тому, что при необходимости выбора между смертью с честью и жизнью в бесчестии большинство горцев выбирает первое³⁶.

Это же подметил в своей монографии А.А. Ляховский: «В национальных особенностях этого народа (чеченцев – *Авт.*) выделяется готовность умереть за свободу, за свои убеждения. Это выше всех других качеств. Чечня всегда была оплотом непокорства, сопротивления, бунта. И сегодняшние чеченцы ответят утвердительно, если их спросить, готовы ли умереть за правое дело. Они не смогут поступить иначе»³⁷.

Мы не утверждаем, что другие народы не обладают такими качествами. Но мы говорим в данном случае о ментальности чеченцев потому, что пытаемся ответить на вопрос: почему войну удалось навязать именно этому народу?

Приведем еще одно свидетельство: «...Политические лидеры, создавшие из Чечни криминальную зону, бессовестно сыграли на таких качествах чеченского народа, как свободолюбие, верность традициям, чувство достоинства, на законном стремлении восстановить историческую справедливость. По сути, криминальные вожди использовали чеченский народ в своей циничной игре ради достижения корыстных политических и финансовых целей», – обоснованно утверждал С. Шахрай, популярный политик того времени³⁸.

Некоторые исследователи старались поставить вопрос таким образом, что получалось, будто чеченцы мстили в этой войне России за депортацию 1944 г., в которой народ потерял половину своей общей численности. Однако дело было не в мстительности. Ведь и целый ряд других народов, и не только с Кавказа, был депортирован со своей исторической родины. Но через полвека никто не ставил вопроса о мести.

В истории многих народов России, и не только у чеченцев, возникали проблемы в отношениях с соседними народами. Но история народов Северного Кавказа не знает случаев захватнических войн и серьезных военных столкновений между соседями.

Поджигатели и первой, и второй войн в ЧР сыграли на особенностях национально-го характера чеченского народа, манипулировали его сильными и слабыми сторонами – свободолюбием, неустрашимостью, отвагой всегдашней готовностью защищать свою свободу и достоинство – и навязали народу вооруженный конфликт.

Бытовой и финансово-экономический факторы

Фактор манипулирования менталитетом чеченского народа сработал успешно и потому, что в Чеченской Республике к этому времени сформировалась соответствующая социально-экономическая ситуация.

Конечно, правы и те исследователи, которые полагают, что при всей неоспоримой конфликтогенной значимости социально-экономических факторов, менталитета, национального характера и факторов этнопсихологического порядка, пожар международной войны возникает там и тогда, где и когда находятся так называемые «этнические предприниматели», национал-карьеристы, преследующие сугубо личные корыстные интересы, готовые принести в жертву войне собственный народ ради наживы. Так сказать – денационализированные люмпен-бизнесмены. Там же, где такие «этнические предприниматели» не находятся, или они не располагают необходимыми ресурсами, «хорошего международного пожара» не получается. В Чеченской Республике, с ее нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленностью, приносящей колоссальные прибыли, такие ресурсы были³⁹.

Опыт войны в ЧР показал, также, что сепаратизм только тогда переходит в конфронтацию, а затем и в вооруженное столкновение с метрополией, когда, как уже отмечалось выше, имеется в наличии достаточное количество люмпенизированных, нередко маргинальных по происхождению и субкультуре людей, лишенных постоянного заработка, готовых на любые преступления, чтобы поживиться не только разграблением народного достояния, но и имуществом рядовых граждан. За свои «военные подвиги» многие из них получали немалые вознаграждения, как от зарубежных центров, заинтересованных в дестабилизации обстановки на Кавказе, так и от ряда отечественных олигархов, стремящихся к созданию неподконтрольной государству «свободной экономической зоны», через которую можно было бы наладить каналы для получения незаконных источников дохода и «отмыва» денег, оставаясь, при этом, вне досягаемости закона⁴⁰.

С реставрацией частной собственности после разрушения социализма, многих охватила жажда наживы, зависть к преуспевшим бизнесменам, нуворишам, «новым» хозяевам жизни, обогатившимся за счет присвоения народного достояния, и маниакальное стремление к освоению собственных источников дохода. Эта зависть и стремление сознательно подогревались в Чеченской Республике Центром путем закачки в республику больших финансовых сумм через так называемые «фальшивые авизо». Это был самый настоящий подрыв финансово-экономической системы всей страны. При этом, основная доля незаконно полученных средств переправлялась не куда-нибудь, а в Москву, в карманы банкиров – организаторов всей этой системы афер. Специалисты подсчитали, что в ходе операции «фальшивые авизо», разработанной российской банковской мафией, чеченцам, выполнившим самую грязную и рискованную часть работы, досталось не более 10–15% разворованных средств. Однако и 10% оказалось более чем достаточно, чтобы подорвать основы традиционной жизни обще-

ства. Огромные несправедливые богатства (приобретенные без особых усилий и попавшие в руки людей в большинстве своем не стремившихся использовать их во благо себе и обществу) разрушили мир традиционных ценностей и нанесли страшный урон поступательному развитию чеченского общества⁴¹.

Однако следует отметить, что криминализация Чечни не имеет местных традиций. Это явление постсоветское, характерное для всего пространства бывшего СССР. В Чечне этот процесс, с самого начала, был управляем, как показано выше. Целью же послужил сценарий дискредитации чеченцев в лице российской общественности для проталкивания других сценариев манипуляции и политических игр⁴².

Военная угроза

Наглядным примером политического манипулирования населением, его ментальностью и национальным характером с целью заставить народ делать нечто смертельно опасное для самого его существования, стал жестокий розыгрыш Б. Ельцина с попыткой введения чрезвычайного положения в ЧР в ноябре 1991 г. Указ Б. Ельцина о «Восстановлении конституционного порядка в Чеченской Республике», обнародованный 9 ноября 1991 г., объявлял о введении чрезвычайного положения в республике в случае, если генерал Дж. Дудаев не откажется от претензий на независимость⁴³.

Угроза введения войск заставила чеченцев мгновенно сплотиться вокруг своего смертельного врага – генерала Дж. Дудаева. Упавший до низшей отметки рейтинг президента моментально подскочил до небывалой высоты. Народ просто вынужден был пойти на это, потому что Дж. Дудаев в тот момент представлял единственную власть в республике после разгона Верховного Совета – другой власти, вокруг которой можно было собраться в тот момент, попросту не было. Кроме того, атмосферу накаляли слухи о готовящейся очередной депортации, усиленно муссирующиеся в обществе⁴⁴.

Указ Б. Ельцина в тот момент был абсолютно не реализуем. Но такая задача и не ставилась. Расчет состоял в другом – поднять народ, заставить его, перед лицом опасности, забыть свои претензии к Дудаеву и взаимные разногласия и спровоцировать на вооруженное столкновение с федеральными силами.

Составители указа учли фактор ментального характера народа и наверняка просчитали, что население вынуждено будет сгруппироваться вокруг генерала в ответ на угрозу. Надо было, чтобы народ утратил рациональное, трезвое понимание происходящего. В итоге: авторы указа добились одной из поставленных задач.

В день объявления указа все население Грозного – от мала до велика – вышло на улицы города, выражая готовность умереть, но не отступить перед угрозой, исходящей от Центра. В числе митингующих оказалось немалое количество представителей антидудаевской оппозиции, что, собственно, и было одной из целей провокационного указа. Их вынудили против своей воли идти к генералу.

Людей заставили поддержать человека, чей авторитет и уважение, казалось, были потеряны для большинства граждан Чеченской Республики. В ночь после объявления указа на митинги вышли даже 80–90-летние старейшины, вооруженные берданками времен Первой мировой войны.

Естественно, выполнив поставленную задачу указ о введении чрезвычайного положения был отменен. Однако изощренная игра на национальном характере народа сработала.

Оценивая значение этого указа, чеченский историк Дж. Гакаев совершенно справедливо утверждал: «Не введи Ельцин 8–9 ноября 1991 г. ЧП на территории Чечни, шансы Дудаева и К⁰ удержаться у власти были бы равны нулю. В развернувшейся борьбе за передел власти и собственности в стране Центр сделал ставку на агрессивный сепаратизм с тем, чтобы сохранить власть за собой, навязав иррациональный вариант радикальной суверенизации»⁴⁵.

Указ Б. Ельцина о введении Чрезвычайного положения действительно стал для генерала своего рода спасательным кругом: народ, который еще вчера был безмолвен, не отвечал на заклинания и призывы встать на защиту суверенитета, вдруг внезапно, за одну ночь, диаметрально изменил позицию: люди вышли на митинги, чтобы спасти свою жизнь, честь и достоинство.

Это тот самый случай, когда народ спровоцировали вдохнуть новую жизнь в своего смертельного врага, заставили сделать самый большой шаг к войне. Это был тонкий технологический прием: манипуляторы точно рассчитали ход, при котором внешняя угроза заставит народ сплотиться вокруг генерала.

«Угроза российского вторжения, – пишет американский исследователь Джон Дэнлоп, – послужила могучим стимулом к объединению народа Чечни вокруг своего нового президента... Дудаев пришел в полный восторг от указа, который в один миг сплотил вокруг него большинство чеченцев. С этого момента можно считать, что Дудаев вновь утвердился у власти, хотя и не на всей территории республики»⁴⁶.

«Политическая неопределенность статуса Чечни, ее двусмысленная, но зато устраивавшая всех «полуизолированность» от России, дававшая одним возможность сохранять и наживать политический капитал, а другим извлекать фантастические доходы, третьим – в самой Чечне – укреплять бесконтрольную власть...»⁴⁷

Еще одна аналогичная по технологии ситуация была разыграна в июле того же 1991 г., когда для имитации военной угрозы Москвы в связи с объявлением Дудаевым намерения отделиться от России, в Грозный на двух самолетах был выброшен десант омовцев, якобы для захвата генерала Дудаева.

Высадка десанта была использована дудаевцами для объявления военной мобилизации мужской части населения Чеченской Республики на войну против России, для чего, собственно, она и была затеяна.

Между тем, как выяснилось вскоре, омовцы-десантники были только что призванными для службы в Российскую армию новобранцами, по сути, еще не державшие в руках оружия. Без него они и были высажены в Грозный. Но дело было сделано – в Чеченской республике впервые объявлена мобилизация – сделан первый шаг к настоящей войне. Это был просчитанный технологический прием.

Можно сделать вывод, что все технологические и тактические приемы, применявшиеся Центром в поддержку Дж. Дудаева в кризисных ситуациях, сводились к тому, чтобы создать видимость угрозы либо Дудаеву, либо народу в целом. Но в обоих случаях народ спланивался, а генерал облачался в тогу спасителя нации.

Угроза этнической стабильности

Для того, чтобы гарантировать успех объявленной военной мобилизации, была устроена якобы утечка информации из Кабинета министров России, возглавлявшегося тогда В.С. Черномырдиным. Нашлись люди, которые, ссылаясь на готовящееся секретное постановление правительства, утверждали, что в ближайшее время чеченцы будут депортированы в другие регионы страны. Дезинформация достигла цели и возымела успех – народ начал готовиться к войне; большинство населения решило, что лучше погибнуть всем вместе на родной земле, чем подвергнуться очередной депортации, со всеми вытекающими отсюда последствиями⁴⁸.

Союзники врага

Очередной провокацией послужила инсценированная имитация похода якобы чеченской оппозиции на дворец президента Дудаева. Танки и их экипажи, укомплектованные, большей частью, российскими военнослужащими, вопреки элементарным правилам военного искусства вошли в город без сопровождения пехоты, по заранее пристреленным дудаевскими боевиками маршрутам. Старые, выработавшие свой ре-

сурс машины по ходу движения самопроизвольно взрывались изнутри. Тем не менее, часть из них подошла к дворцу, окружила его и долго стояла в ожидании приказа начать штурм. Поступивший приказ оставить город, когда практически, военная операция подошла к своему логическому завершению, не оставляет сомнения в театрализованном и провокационном характере этого «похода». Брошенный всеми своими сторонниками Дж. Дудаев вновь воспрянул. Генерал в очередной раз облачился в тогу героя и победоносного защитника народа⁴⁹.

Все происшедшее было представлено населению как поражение федерального Центра, а СМИ Грозного стали декламировать Дудаева как мессию, посланного для спасения чеченского народа. Так, уже в третий раз, Центр своими действиями вытаскивал катившуюся в политическое небытие карьеру генерала Дудаева.

И в этом случае был использован тот же самый прием, что и в июле 1991 г. при инсценировке высадки десанта омонцев для ареста Дудаева. Подобный технологический прием был использован при объявлении указа Б. Ельцина о введении ЧП 9 ноября 1991 г.⁵⁰

Всякий раз, когда здравый смысл и интуиция подсказывали народу грозящую опасность, и он пытался остановиться, уйти от края пропасти, его снова и снова к ней подталкивали, приближали к братоубийственной преступной войне. Тут не обошлось и без финансовой поддержки Центром режима Дудаева. Как это ни парадоксально, но в самый разгар противостояния с официальным Грозным, в апреле 1993-го Москва выделяет республике 2,5 млрд. руб. пенсионных денег, которые позволили сепаратистам организовать и содержать альтернативный оппозиции митинг сторонников режима⁵¹. И подобные финансовые поступления были отнюдь не редкость⁵².

До сих пор мы приводим конкретные примеры чередующихся действий, приемов, которые повторялись за годы чеченской трагедии неоднократно. Один из современных специалистов по проблеме тиражирования манипуляторских приемов совершенно обоснованно утверждает: «В настоящее время особенно ярко проявляется тенденция к алгоритмизации технологий управления политическими процессами, что позволяет данную деятельность тиражировать, т.е. многократно использовать при решении сходных политических задач...»⁵³

Разделяй и властвуй

Еще одна манипуляция в подготовке войны сепаратистов состояла во всемерном размежевании, разъединении чеченского общества, к высвобождению его от всех скреп, которые удерживали народ в целостности: это полная ликвидация прежних

структур, институтов власти не только советских, но и традиционных, функционировавших во всей обозримой истории народа. Само объявление независимости Чечни в 1991 г. привело к тому, что из единой Чечено-Ингушской республики вышла Ингушетия, объявившая себя независимой республикой.

Сепаратисты пытались до основания разрушить чеченское общество для того, чтобы разорвать, разрушить единство, согласие и затем разжечь именно здесь долговременный очаг войны, в том числе – гражданской.

Дудаевская технология манипулирования была направлена на то, чтобы максимально расколоть, разобщить народ по социальному, национальному, конфессиональному признакам, ввергнуть его в состояние взаимного отчуждения, вражды и самого настоящего хаоса. В этих целях была инициирована целая серия тейповых съездов, заметно способствовавшая расколу и взаимоотчуждению тейпов – этой древнейшей формы самоорганизации чеченского общества.

Сепаратисты пытались разобщить, атомизировать чеченский народ, противопоставить дудаевцев и оппозиционеров, горных и равнинных чеченцев, вызвать отчуждение, недоверие между представителями различных суфийских обществ, предпринимались попытки опорочить благоговейно хранимую народом память о суфийских шейхах прошлого. Дудаевцы, скрыто и явно поддерживая ваххабизм, противопоставляли его последователей традиционному народному исламу-суфизму.

Другая линия раскола чеченского общества прошла по всему чеченскому народу, противопоставив тех, кто выехал из республики, тем, кто там остался. Надо было обладать поистине сатанинскими способностями, чтобы суметь так напрячь отношения внутри единого чеченского народа.

Мы вправе предположить, что курс на всеобщий раскол общества, на взаимное отчуждение населения республики по национальным, социальным, этническим, конфессиональным и иным признакам был запланирован сепаратистами с самого начала. Дудаев ненавидел народ, рассматривая его как преграду его честолюбивым планам⁵⁴.

Общий вывод, который можно сделать на основе вышеизложенного, состоит в том, что разъединение, атомизация общества – облегчила сепаратистам разжигание войны и перевод ее в перманентный режим.

Горе побежденным

Многие и многие стали жертвами этой войны не по своей вине или были втянуты в войну вопреки своей воле: убили их близких, разрушили дома, расхитили имущество. Пытки, издевательства над гражданским населением, грабежи и поборы военнотру-

жащими федеральных сил с самого начала вооруженного конфликта стали катализаторами массового вооруженного выступления вчера еще мирных жителей против российской армии. Именно против армии, а не против России, как об этом громогласно заявляли СМИ и ряд политиков.

До появления в республике генерала Дудаева и создания Вайнахской демократической партии (далее – ВДП) Яндарбиева (1990 г.) в Чечено-Ингушской Республике не было ни одного факта националистических проявлений, направленных против русских или представителей любых других народов, проживавших в ЧИАССР. «Первый шаг к разжиганию “фанатизма” среди чеченцев, – сделал сам Дудаев. Играя роль “фанатика борьбы за независимость” Ичкерии, вместе с националистами из ВДП, он главное острие идеологии направил против русскоязычного населения, на разжигание ненависти ко всем нечеченцам. После прихода к власти дудаевцев... чеченскому народу стали внушать идею национального превосходства...»⁵⁵

Именно генерал Дудаев в неоднократных публичных заявлениях вещал о невозможности дальнейшего проживания русских в Чеченской Республике, ибо из-за них якобы все беды чеченского народа. Надо отдать должное чеченцам: в подавляющем большинстве они не приняли дудаевскую национальную доктрину. Ни один серьезный исследователь чеченского конфликта не обнаружил в Чечне шовинистически настроенного общества. Не было ни одного лозунга типа гамсахурдиевского: «Грузия – только для грузин». Причина в ментальном характере народа: чеченская устная традиция считает проявление национализма явным признаком плебейства.

Между прочим, превосходно знающий чеченцев и ингушей, десятки лет работавший среди них доктор философии Хажбикер Боков, свидетельствовал: «...не могут вайнахи (чеченцы и ингуши) замыкаться в собственной скорлупе. Не могут генетически, по природе своей... Даже в период Кавказской войны, когда в форме великодержавной идеологии здесь насаждался воинствующий национализм, он не привился духовному облику вайнахов»⁵⁶.

Заключение

Таким образом, давая ответ на поставленный в начале этой статьи вопрос об исторической вине народа в развязанной сепаратистами войне, в национализме мы вправе сделать однозначный ответ: «Народ не виновен!» Война была ему навязана спекулятивными методами, в том числе, с учетом особенностей ментальности, как это справедливо отметил С. Шахрай в приведенном выше высказывании.

Авторы чеченского сценария не афишируют ни его схемы, ни своего участия в его разработке. Нет даже намека с их стороны на то, что все эта провокация имеет искусственную природу. Зато «русский патриот», бывший консультант-аналитик Б. Березовского и независимый депутат четырех созывов Государственной думы А.Г. Невзоров самым циничным образом дает характеристику итогам двух войн: «...если чеченской войны не было бы, ее следовало бы придумать» для вскармливания российских «псов войны». То же самое озвучил спецкор в Грозном В. Семиряга: «Если бы “проблемы Чечни” не существовало, нечто аналогичное следовало бы в любом случае придумать. Звучит, быть может, и цинично, но, тем не менее, это именно так. Две чеченские войны, плавно перешедшие в бессрочную контртеррористическую операцию, оказалось, способствуют решению ряда важнейших задач, стоящих перед российской государственностью»⁵⁷.

Между тем, сепаратистско-центристский альянс, выстроившийся в преддверии конфликта в ЧР, в своих первоочередных задачах во главу угла ставил не столько политические, сколько личные экономические интересы «...превратить Чечню в своеобразный анклав, свободную криминальную зону для “прихватазации” грозненской нефти, торговли нефтепродуктами, оружием, наркотиками, отмывания грязных денег награбленных в России и странах СНГ»⁵⁸. Именно эти интересы стали первопричиной разработанного и внедренного в Чеченскую Республику манипуляционного сценария псевдосепаратизма.

В заключение хочется привести слова знаменитого Норберта Винера, доктора философских наук и основателя науки кибернетики: «К счастью для нас, эти торговцы ложью, наживающиеся на людском легковереии, еще не дошли до такого совершенства, чтобы все происходило по их желанию, потому что люди не бывают только дураками или мошенниками. Средний человек достаточно разумен по отношению к вещам, представляющим его непосредственному вниманию, и достаточно альтруистичен там, где дело касается общественного блага или индивидуальных страданий, которые он видит собственными глазами»⁵⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Этот печально памятный императив был провозглашен еще в начале перестройки в связи с переходом к рыночной экономике и демократии.
- ² Малащенко А. Рамзан Кадыров: Российский политик кавказской национальности. М., 2009. С. 21.
- ³ Тарасов И. 1994: Ночная танковая атака на Грозный // Спецназ России. 2007. № 7 (130).
- ⁴ Леонова О.Г. Технология управления политическими процессами и политические технологии // Современный политический анализ и политические технологии. М., 2005. С. 110.
- ⁵ Там же. С. 115.
- ⁶ Здесь можно провести аналогию: арабо-израильский конфликт также укладывается в эту схему, за исключением некоторых частностей. Депутат Кнессета от партии «Наш дом – Израиль» Исраэль Хасон отмечал: «Израиль должен быть крайне осторожным в том, что касается стремления по окончательному соглашению (с палестинцами. – Г.З.) предпочтительней рациональное управление конфликтом, т. е. его стабилизация, а не беспочвенное стремление к окончательному урегулированию». См.: Независимая газета. 2007. 21 февр.
- ⁷ Сказанное подтверждается конкретными фактами. Например, в период объявленной Центром жесткой блокады Чеченской республики в 1991 г. Когда было заявлено, что даже мышь полевая не может проскочить через блокадную черту, генерал Дудаев свободно летал над Россией по представленному ему воздушному коридору. Блокада не препятствовала также беспрепятственному прохождению через границу ни железнодорожных эшелонов с нефтью, ни автоколонн, ни бензовозов, перевозивших нефть ЧР в Россию, Грузию и другие регионы.
- ⁸ Коэн С. Провал крестового подхода США и трагедия посткоммунистической России. М., 2001. С. 188.
- ⁹ Там же. С. 257.
- ¹⁰ Паин Э., Попов А. Российская политика в Чечне: Как она зарождалась, как привела к войне и чем отзовется завтра (Да здравствует революция!) // Известия. 1995. 7 февраля.
- ¹¹ Гакаев Дж. Чеченский кризис: Истоки, итоги, перспективы. М., 1999. С. 46.
- ¹² Хасбулатов Р.И. Чечня: Мне не дали остановить войну. М., 1995. С. 44.
- ¹³ Келиматов А. Чечня: В когтях дьявола или на пути к самоуничтожению. М., 2003. С. 5–6.
- ¹⁴ Совершенно секретно // Секретный доклад ФСБ. 1997. № 4. С. 3–5. Цит. по: Гакаев Дж. Чеченский кризис. С. 71; Российская газета. 1996. 24 мая.
- ¹⁵ Паин Э. Межнациональные конфликты в политической игре // Независимая газета. 1992. 10 июля.
- ¹⁶ Попов Арк. Причины возникновения и динамика развития конфликтов // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 285.
- ¹⁷ Тишков В.А. Слова и образы в постконфликтной реконструкции // Малькова В.К., Тишков В.А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М., 2002. С. 62.
- ¹⁸ Гакаев Дж. Чечня: Истоки и «сценарии» вооруженного конфликта // Социальные конфликты: Экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Политика в зеркале конфликтологии. 10. Часть II: Политические и этнические проблемы. РАН. РАПН. М., 1995.
- ¹⁹ Хасбулатов Р.И. Чечня.
- ²⁰ Эдильбиев М. «Бунт героев» по-чеченски: Марионетки вышли из-под контроля // Российский журнал. 2001. 19 ноября.
- ²¹ Любовь к оружию у горцев, принужденных столетиями защищать свою свободу от за-

хватчиков, отмечали еще дореволюционные исследователи, этнографы, путешественники, нередко возводя ее в черту национального характера. Совершенно неслучайно, в связи с описываемыми событиями, в качестве одного из рычагов манипулирования Дж. Дудаеву, срочно отозванному с пенсии на службу, было присвоено генеральское звание.

- ²² Попов Арк. Причины возникновения и динамика развития конфликтов. С. 280.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Илес-Хаджи Арсанов – крупнейший религиозный авторитет суфийского ордена Накшбандийя. В августе 1996 г. боевики захватили и увезли его вместе с сыном и группой последователей. В равнинных селениях были сформированы отряды религиозных воинов-мюридов для освобождения Илес-Хаджи и мести.
- ²⁵ Бялый Ю. Любая цена // Завтра. 1996. 27 августа. № 35 (143).
- ²⁶ Михайлов А. Чеченское колесо. М., 2002. С. 160–161.
- ²⁷ Тенсаев С.А. О социально-этнических предпосылках «чеченского кризиса» // Материалы Всероссийской научной конференции «Интеграция науки, образования и производства – решающий фактор возрождения экономики и социального строя в посткризисный период». Грозный, 2003. С. 444.
- ²⁸ Паин Э. После Чеченской войны // Известия. 1995. 13 февраля.
- ²⁹ Подробнее о роли СМИ в этнической мобилизации, в манипулировании общественным сознанием, в формировании образа врага см., например: Малькова В.К., Тишков В.А. Этничность и толерантность.
- ³⁰ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент. М., 2005. С. 78.
- ³¹ Парламентарии Южного ФО обеспокоены безработицей в Чечне. ИА REGNUM. 30 ноября 2009 г. // <http://www.regnum.ru/news/523063.html>
- ³² В Чечне ожили боевики. Газета.ru. 2008. 18 декабря // http://gazeta.ru/politics/2008/12/18_a_2913156.shtml // В Чечне обстреляли два очередных военных вертолета, один пострадавший. NEWSru.com 8 июля 2009 г. //

<http://www.newsru.com/russia/08jul2009/vertolet.html> // В Чечне произошел первый после отмена режима КТО бой с боевиками // Известия. 2009. 30 ноября.

- ³³ В Чечне боевики активно вербуют в свои ряды молодежь // РИА Новости. 2009. 20 мая; Мухин В. Боевики принимают пополнение // Независимая газета. 2007. 24 января.
- ³⁴ Солженицын А. Архипелаг ГУЛаг. Кн. VI. Гл. 4.
- ³⁵ Ляховский А. Зачарованные свободой. Тайны кавказских войн // Информация. Анализ. Выводы. М., 2006. С. 22.
- ³⁶ Можно предположить, что отмечаемая исследователями воинственность как черта народного характера также выковывалась войнами, которые довелось вести этому народу за свою свободу и независимость, начиная с эпохи великого переселения народов
- ³⁷ Там же. С. 22.
- ³⁸ Шахрай С.М. Судьба чеченского народа // Независимая газета. 1991. 27 сентября.
- ³⁹ Серебрянников В.В. Чеченский кризис. М., 1995. С. 3–5.; Чеченская республика (население, экономика, история). Все о Чечне и ее народе. Грозный, 1995. С. 6.
- ⁴⁰ Гакаев Дж. Чеченский кризис. С. 68.
- ⁴¹ Там же. С. 62.
- ⁴² Паин Э., Попов А. Российская политика в Чечне. С. 138–142.
- ⁴³ Воронин Ю.М. Стреноженная Россия: Политико-экономический портрет ельцинизма. М., С. 408.
- ⁴⁴ Именно с ввода войск в ЧИ АССР в 1944 г. Под предлогом помощи в уборке урожая началась депортация чеченцев и ингушей.
- ⁴⁵ Гакаев Дж. Чеченский кризис. С. 43.
- ⁴⁶ Дэнлоп Дж. Россия и Чечня. История противоборства. Корни сепаратистского конфликта. М., 1998. С. 120.
- ⁴⁷ Паин Э., Попов А. Российская политика в Чечне.
- ⁴⁸ В них было живо воспоминание о вероломном обмане их Берией, когда передислокация войск в горные районы республики и окружение аулов с целью депортации проводились под видом подготовки чествования Дня Красной Армии – 23 февраля 1944 г. Всю жизнь старейшины не могли себе

простить, что поддались тогда бериевскому обману и не сразились с вводимыми для их выселения войсками НКВД. И теперь, спустя полвека, оставшиеся в живых, вооруженные двустволками были готовы сразиться с врагом, который однажды обманул их. Тем более, что в тот период была устроена утечка информации из Кабинета министров РФ (В. Черномырдина) о якобы готовящейся новой депортации чеченцев.

⁴⁹ *Максаков И.* Уроки Чечни // Независимая газета. 1999. 26 ноября.

⁵⁰ *Фарш-бросок.* Только спустя десять лет мы начинаем узнавать о том, как власти начали войну в Чечне // Московский комсомолец. 2004. 26 февраля.

⁵¹ *Гакаев Дж.* Чеченский кризис. С. 71.

⁵² Чеченский счет // Профиль. 1999. 27 сентября. № 36 (158).

⁵³ *Леонова О.Г.* Технология управления. С. 111.

⁵⁴ Не только в личном общении, но и во время публичных встреч Дудаев неоднократно называл народ стадом баранов, с которым можно производить любые манипуляции.

⁵⁵ *Келиматов А.* Чечня. С. 131.

⁵⁶ *Боков Х.* Слово о вайнахах. Цит. по: *Келиматова А.* Чечня. С. 163.

⁵⁷ *Семиряга В.* Если бы Чечни не было, ее надо было бы придумать // РБК. 2001. 21 мая.

⁵⁸ *Гакаев Дж.* Чеченский кризис. С. 68.

⁵⁹ *Винер Н.* Кибернетика. М., 1983.

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
119334, Москва, Ленинский проспект, д.32 а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-58-79
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-495) 938-06-00
<http://www.iea.ras.ru/>

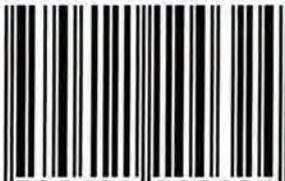
Подписано к печати 6.08.2010 Тир. 100 экз. Печ. л. 2,2 Заказ № 53
Участок множительной техники ИЭА РАН, Ленинский пр., 32 А.

ЗАУРБЕКОВА, ГАЛИНА ВИСАЕВНА – кандидат исторических наук, профессор. Докторант Института этнологии РАН. Работала преподавателем на кафедре всеобщей истории Чечено-Ингушского университета. С 1994 г. она – профессор кафедры политологии в Махачкалинском отделении Российского Гуманитарного университета.

ZAURBEKOVA, GALINA VISAJEVNA Ph.D. (candidate of sciences in history), Associate Professor. She was a lecturer at the Chair of general history in the Chechen-Ingush University. Since 1994 she has been Associate Professor at the Chair of political sciences in the Makhachkala branch of the Russian Humanitarian University.

ISBN 978-5-4211-0032-4

9 785421 100324